

И. Н. Лапицкая (Могилев, Беларусь)

**ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОННОТАЦИЯ
ОБРАЗНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЧЕЛОВЕКА**

**(на материале наименований предметов
в русском и белорусском языках)**

The article deals with general conformities of formation and the mechanism of the realization of figurative semantics of nouns which have in the Belarusian language

metaphorical meaning of a person. The main metaphorical models, reasonable foundations of metaphorization are pointed out; the peculiarities of semantics and emotional-estimation peculiarities of the given category of lexical units are analyzed.

В русском и белорусском языках в сфере наименования лица широко распространены метафорические номинации человека именами других объектов с целью его эмоционально-оценочной характеристики. Образование лексико-семантических вариантов осуществляется по определенным моделям, наиболее традиционными из которых являются следующие:

– «животное → человек» (ср.: русск. *глухарь, гнида, коза, корова, лиса (лисица), медведь, свинья, теленок, обезьяна, одер, змея, рыба, черепаха, червяк* и др.; бел. *асёл, варона, выдра, гадзюка, гніда, карова, ліса (ліс), малпа, свіння, скарпіён, страказа, сыч, цяля* и др.);

– «растение → человек» (ср.: русск. *дуб, лопух, мимоза, пень, перец, пустоцвет, сморчок* и др.; бел. *грыб, дуб, пень, перац* и др.);

– «мифическое существо → человек» (ср.: русск. *ведьма, гурья, кикимора, кощей, леший сфинкс, титан, фурия, херувим, цербер* и др.; бел. *вампір, дэман, кашчэй, пачвара, сфінкс, тытан, фурыя, херувім, цэрбер* и др.);

– «человек → человек» (ср.: русск. *гренадер, иезуит, лакей, лицедей, мещанин, набоб, пария, паяц, тигмей, фискал* и др.; бел. *гандляр, гіцэль, езуіт, кароль, канавал, карыфей, куркуль, паяц, пігмей, скамарох* и др.), а также модель

– «предмет → человек», являющаяся одной из наиболее продуктивных моделей в обоих языках, по которой создавались и продолжают создаваться образные характеристики человека (ср.: русск. *балда, бревно, кипяток, кубышка, лапоть, мешок, орясина, пень, тила, сапог, смола, сухарь, тряпка, тюфяк, шпингалет* и др.; бел. *абух, агрызак, гніляк, дубіна, завала, затычка, зломак, зносак, калун, круцёлка, слуп, смала, сухар, таўкач, траплю* и др.).

Метафорически переосмысленные наименования предметов составляют в русском и белорусском языках один из основных разрядов экспрессивной лексики. Наряду с другими экспрессивно окрашенными лексическими единицами им свойственны такие параметры выразительности, как образность, экспрессия, оценочность, эмоциональность.

Образность изначально присуща такого рода номинациям. В основе этого коннотативного компонента переносных значений лежит «сохранение в слове мотивирующего признака, внутренней формы» [3, с. 11]. Еще одним не менее важным коннотативным признаком является экспрессия, определяемая исследователями как «заведомое смещение, несоответствие каких-либо языковых или речевых средств языковым стандартам» [3, с. 35]. В свою очередь оценочность метафорических номинаций связана с выражением рационального (положительного или отрицательного) отношения говорящего к характеризуемому лицу. Наличие плюса или минуса в значении слова – важнейший

показатель оценки. Этот коннотативный компонент переносных значений чаще всего сочетается с эмоциональностью – выражением чувств, эмоций, заложенным в слове. Как правило, наблюдается регулярная связь положительной оценки с положительной эмоцией (одобрением, восхищением и т.п.), и отрицательной оценки с отрицательной эмоцией (неодобрением, негодованием и т.п.). Позитивные эмоциональные оценки обозначаются в словарях пометами *ласк.*, *уважит.*, *одобр.*, *почтит.*, *вежл.* и др., негативные эмоциональные оценки маркируются пометами *пренебр.*, *презр.*, *осудит.*, *уничжсит.*, *порицат.* и др., причем отрицательная оценка более разнообразна.

Таким образом, каждый коннотативный элемент в смысловой структуре метафорически переосмысленные наименования предметов имеет качественное своеобразие, и это создает яркую стилистическую маркированность данного разряда лексических единиц.

В русском и белорусском языках подобные метафорические номинации являются одним из средств экспрессивной характеристики лица, эмоциональной оценки его индивидуальных качеств. Они охватывают все стороны человеческой личности: внешний облик (рост, телосложение, черты лица и т.п.), психические свойства (черты характера, темперамент, умственные способности, эмоциональность и т.п.), положение в социуме и сформированные этим положением свойства личности. При этом практически все предметно-тематические группы слов-характеристик демонстрируют преобладание отрицательной, пейоративной оценки над положительной, мелиоративной.

В свою очередь метафорические номинации пейоративной оценки обнаруживают большое семантическое разнообразие и языковую устойчивость. Например, отрицательно оцениваются такие внутренние и внешние качества человека, как

– глупость, бестолковость (русск. *банда*, *болван*, *бревно*, *деревяшка*, *дуб*, *дубина*, *дубье*, *истукан*, *колпак*, *орясина*, *пень*, *телятина*, *чурбан*; бел. *абух*, *балван*, *даўбня*, *дуб*, *дубіна*, *дуб'ё*, *калун*, *пень*, *слуп*, *таўкач*, *чурбан*);

– невежественность, необразованность, грубость (русск. *кувалда*, *лапоть*, *сапог*; бел. *лапаць*);

– бесчувственность, равнодушие, эгоистичность (русск. *бревно*, *деревяшка*, *дуб*, *идол*, *истукан*, *пень*, *сухарь*; бел. *мумія*, *пень*, *сухар*);

– сварливость, язвительность, вспыльчивость, навязчивость (русск. *заноза*, *зелье*, *кипяток*, *перец*, *перечница*, *пила*, *порох*; бел. *перац*, *піла*, *порах*, *смала*, *стрэмка*);

– вялость, нерасторопность, бесхарактерность, безволие (русск. *игрушка*, *квашня*, *кисель*, *кукла*, *марионетка*, *мешок*, *размазня*, *телятина*, *тряпка*, *тюря*, *тюфяк*, *шляпа*; бел. *ануча*, *калода*, *кісель*, *мяшок*, *пяхуер*, *размазня*, *шляпа*, *цацка*);

– незначительность, ничтожность, бесполезность (русск. *мелкота, мелочь, мелюзга, отбросы, отребье, фитюлька, шваль, шушера*; бел. *агрызак, адкіды, баласт, зносак, зялетуха, ламака, смецце*);

– болтливость, легкомысленность, леность (русск. *балаболка, брандахлыст, вертушка, пустышка, трепло, трещотка, финтифлюшка*; бел. *балаболка, балабон, завала, круцёлка, пустышка, трапло, фінціялюшка*).

Подвергаются порицанию и некоторые физические качества, объективно не являющиеся отрицательными, но проявляющиеся избыточно, а именно:

– чрезмерная худоба или полнота (русск. *колода, кубышка, мумия, скелет, спичка, тумба*; бел. *кругляр, мумія, тумба, шкілет*);

– чрезмерно высокий или низкий рост (русск. *каланча, орясина, шпингалет*; бел. *чапяла, шпінгалет*);

– старость, немощность (русск. *развалина, руина, старье*; бел. *гніляк, зломак, разваліна, руіна*).

При этом нельзя не заметить активного использования в обоих языках в качестве антропоцентрических метафор пейоративного типа лексики, принадлежащей к тематической группе «дерево / часть дерева / изделия из дерева», ср.: русск. *болван, бревно, деревяшка, дуб, дубина, дубье, колода, орясина, пень, спичка, чурбан*; бел. *абух, доўбня, дуб, дубіна, дуб'ё, гніляк, калода, калун, кругляр, пень, слуп, стрэмка, таўкач, цурбан*.

В целом, следует отметить, преобладание негативной, уничижительной оценки личностного типа является отличительной чертой метафорических номинаций лица не только русского и белорусского языков, это «языковая универсалия» [2, с. 63]. Положительные качества как будто не замечаются субъектами номинации, поскольку воспринимаются как норма. Отклонения же от нее оцениваются отрицательно, что и находит отражение в семантике антропоцентрических метафор.

При этом, если проанализировать эмоциональную окрашенность метафорически переосмысленных наименований предметов в обоих языках, можно убедиться, что сема отрицательной или положительной оценки в их переносных значениях часто связана со сложившимся у носителей языка восприятием того или иного предмета. Интересную информацию такого типа приводит С. Л. Аكوпова. Она отмечает, что большинство метафорических номинаций лица, образованных от названий предметов одежды и обуви, возникло в среде социальной верхушки как результат пренебрежительного отношения к простому народу, крестьянам. Так, название плетеной из лыка обуви *лапоть* было связано с представлением о крестьянах, которые считались в дворянско-буржуазной среде невежественными, отсталыми. В результате семантического развития у слова *лапоть* формируется

переносное оценочное значение 'невежественный, отсталый человек' [1, с. 89]. Такого же рода переносное оценочное значение характерно и для белорусского слова *лапаць*.

Что касается слов с мелиоративной оценкой, то она, как уже отмечалось, свойственна лишь небольшому количеству лексем. Так, для положительной характеристики человека в русском и белорусском языках используются преимущественно существительные группы «названия камней, металлов» (русс. *жемчужина, золото, кремнь, магнит, перл, самородок*; бел. *жамчужына, золата, крэмень, магніт, перл, самародак*) и слова предметно-тематической группы «небесные тела» (русс. *звезда, светило, солнце, солнышко*; бел. *зорка, свяціла, сонейка, сонца*).

Мелиоративный характер оценки свойствен также отдельным словам других предметно-тематических групп, ср.: русск. *клад, кладезь, колосс, кумир, маяк, огурчик, сахар, сливки, соль, шелк, ягодка*; бел. *каласок, калос, крошка, кумір, лялька, свяцільнік, скарб, цукар, цукерка, ягадка*.

Обращает на себя внимание факт асимметричности большинства рассмотренных номинаций. Так, у русских и белорусских наименований предметов отсутствуют значения для выражения многих положительных свойств человека, например, таких как «умный», «добрый», «щедрый», «внимательный», «чистоплотный» и др., антонимические воплощения которых прочно закрепились в лексических системах обоих языков.

При анализе лексического материала интерес представляют также случаи проявления у одного слова разных переносных смыслов, способных обнаруживать как общность, так и различие характера эмоциональной оценки. Иллюстрацией к сказанному могут послужить переносные значения следующих русских и белорусских слов:

русс. *дубина* – *прост.* 'о высоком, долговязом человеке' и *прост. бран.* 'о бестолковом, тупом человеке'; *зелье* – *разг. устар.* 'о человеке зловредном, занозистом, а также о привлекательной, соблазнительной женщине'; *идол* – *перен.* 'тот, кто (или то, что) является предметом обожания, восторженного преклонения' и *бран.* 'о ком-л бестолковом или бесчувственном'; *жукла* – *разг.* 'о бездушном и пустом человеке (чаще женщине)' и *перен.* 'человек, слепо действующий по воле другого марионетка'; *перл* – 'о ком-, чем-л. редком по своим достоинствам, замечательным, выдающимся' и *ирон.* 'о ком-, чем-л. редком, выдающемся по своим отрицательным качествам'.

бел. *дуб* – *перан. разм.* 'пра высокага, моцнага чалавека' и *пагард.* 'пра тупога, неразумнага чалавека'; *ідал* – *перан.* 'пра таго, хто з'яўляецца прадметам абажання або нізкапаклонства' и *лаянк.* 'нягоднік'; *перл* – *перан.* 'пра што-н. самае выдатнае, цудоўнае па сваіх якасцях' и *іран.* 'пра што-н. бязглуздае, недарэчнае і пад.'; *слуп* – *перан. разм. лаянк.* 'пра недалёкага, тупога чалавека' и *перан.* 'пра таго, хто з'яўляецца вернай апорай чаму-н.'

В целом, изучение метафорически переосмысленных наименований предметов русского и белорусского языков способствует выработке научного представления о многоаспектной природе слова, а сами метафорические номинации лица выступают как оригинальный материал для осмысления материальной культуры человека, его мировосприятия, интеллектуальной и эмоциональной жизни.

Литература:

1. *Акопова, С. Л.* Лексико-семантическое образование существительных со значением лица (на основе метафоризации) / С. Л. Акопова // *Русский язык в школе*. – 1985. – № 6. – С. 84 – 91.
2. *Лукьянова, Н. А.* Лексика современных говоров как объект изучения: учебное пособие / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : Новосибирский университет, 1983. – 79 с.
3. *Харченко, В. К.* Переносные значения слова / В. К. Харченко. – Воронеж : Воронежский университет, 1989. – 198 с.